

Зарубежныя ісканія

Что бы ни говорили о русскомъ зарубежьи его присяжные хулители и ненавистники тамъ и тутъ, какъ бы ни чернили и клеймили — за многое вполне основательно, — политическая эмиграція никогда не переставала пристально вглядываться и внимательно прислушиваться къ происходящему въ Россіи. Часто вниманіе перенапрягалось даже настолько, что глазъ и ухо улавливали мнимое и несуществующее: робкій шопоть принимался за растушій ропоть, а слабые шорохи за гулъ мощнаго движенія. Миражи чаще возникали не отъ того, что люди отворачивались отъ совѣтской прсы, не хотѣли ни знать, ни считаться съ ней, а потому, что слишкомъ легко чаемое и желаемое принимали за реально сущее. Процессамъ оздоровленія Россіи слишкомъ часто придавались преувеличенно-быстрые, чтобы не сказать: «большевицкіе», темпы.

И соотвѣтственно съ такимъ привычнымъ, психологически понятнымъ, но фактически необоснованнымъ «оптимизмомъ» учетъ болѣе трезвый и сдержанный расцѣнивался какъ пессимизмъ скептиковъ и маловѣровъ, утратившихъ былую активность и волей-неволей «попустительствующихъ» существующему въ Россіи режиму.

И сейчасъ еще не всѣ иллюзіи въ этомъ направленіи изжиты. И сейчасъ пессимизмъ объявленъ «болѣзью» и «активизмъ» взбадриваютъ словесными заклинаніями и искусственнымъ приближеніемъ времени и сроковъ паденія большевизма. Не оправдываясь изъ года въ годъ, такіе легкомысленно-оптимистическіе прогнозы все больше теряютъ въ своей внутренней убѣдительности и вѣншей притягательности. Они перестаютъ дѣйствовать. Имъ по просту не вѣрятъ даже тогда, когда они приобрѣтаютъ и болѣе солидный фундаментъ.

«Апокалиптическія» времена, переживаемыя сейчасъ Россіей, — «раскулачиваніе» и обезземеливаніе крестьянъ, обнищаніе города, неминуемый голодъ, — вопросъ мѣ-

жетъ итти лишь объ его объемѣ и протяженности, -- прекращающіяся гоненія на вѣру, науку, искусство, всеобщій стонъ и раздраженіе дѣлаютъ еще нагляднѣе безчеловѣчность власти, внутреннюю ея непримиримость съ самыми элементарными запросами самыхъ притихшихъ и властепослушныхъ слоевъ населенія. Но свидѣтельствуетъ ли все это о неминуемо близкомъ концѣ режима? Свидѣтельствуемъ ли о близкомъ концѣ то физическое сопротивление, которое тамъ и тутъ встрѣчаетъ совѣтская власть со стороны крестьянъ, уничтожающихъ, особенно на окраинахъ -- въ Приморьи, Туркестанѣ, на Кавказѣ, отчасти на Украинѣ, -- отдѣльныхъ коммунистовъ-чекистовъ или даже цѣлые отряды совѣтскихъ войскъ?

Этого, увы, сказать нельзя!

Въ самомъ общемъ, соціологическомъ смыслѣ совѣтскій режимъ, конечно, обреченъ на гибель, какъ обречена система фашизма или было обречено самодержавіе. Но сказать, что гибель эта наступитъ съ сегодня на завтра или въ ближайшіе мѣсяцы, болѣе чѣмъ неосмотрительно. Снова не оправдавшись, необоснованное предсказаніе скомпрометируетъ лишній разъ не только предсказателей, но и самую вѣру въ осмысленность какихъ-либо политическихъ оцѣнокъ и предвидѣній, -- что врядъ ли включить въ свой активъ и самый беззащитный «активистъ». Какъ о русскомъ самодержавіи Герценъ писалъ, что оно «само собою держится и, при томъ, чортъ знаетъ на чемъ», -- такъ и о большевизмѣ, который даже сдержанные меньшевики теперь сравниваютъ съ «худшими террористическими режимами», можно сказать тѣми же словами: большевизмъ самъ собою держится и, при томъ, чортъ знаетъ на чемъ...

Это не значитъ, что царствію его не будетъ конца. Это значитъ только, что нельзя никакъ быть увѣреннымъ въ томъ, что этотъ конецъ неминуемо наступитъ въ ближайшій срокъ. Нельзя -- политически нецѣлесообразно -- и дѣйствовать такъ, какъ будто бы этотъ конецъ уже обезпеченъ для ближайшаго же времени. Политика зиждется на мужествѣ прежде всего высказать то, что есть. И только послѣ этого открывается поле дѣятельности для проявленія всякаго другого мужества. Открывается одновременно и просторъ для всякаго рода фикцій и мифовъ, обмановъ низкихъ и возвышающихъ, -- въ политикѣ тоже играющихъ, какъ извѣстно, не послѣднюю роль.

Активная политика и безысходный пессимизмъ, конечно, не примиримы другъ съ другомъ. Но и оптимизмъ сентиментальный, покоющійся на безогчетной вѣрѣ въ стихійную побѣду разумаго, добраго, вѣчнаго компрометируетъ не однихъ только безпечныхъ «активистовъ», но и тѣ объективно-цѣнные цѣли, которыя ставятъ себѣ и другимъ жизнерадостные оптимисты. Надо поддерживать «бодрость и активность», «неослабѣвающую энергію» и «вѣру», — убѣждали другъ друга участники пятилѣтняго юбилея «Возрожденія», не замѣчая, вѣроятно, сходства своихъ «девизовъ» съ щедринскими: «шестувуй впередъ, по временамъ же мужайся и отдыхай!» и «мужайся и отдыхай, по временамъ же шестувуй впередъ!»...

Чтобы «достичь», надо «хотѣть». И «если мы хотимъ дѣйствовать завтра надо умѣть думать сегодня!». Этотъ несложный афоризмъ не утрачиваетъ своей основательности отъ того, что его повторилъ въ своей дижонской рѣчи французскій премьеръ. Для нѣкоторыхъ же круговъ зарубежья этотъ афоризмъ именно потому, что его произвелъ главная надежда и вождь правой Франціи — Тардье, приобрѣтаетъ, можетъ быть, и большую убѣдительность.

*
**

Что сейчасъ роднитъ — и раздѣляетъ — отдѣльные секторы русской политической эмиграціи, это — в о с п р і я т і е с о б ы т і й въ Россіи. Спокойно-увѣренное, почти самодовольное, на крайнихъ флангахъ русской общественности, и трагическое — преимущественно въ центрѣ. На обоихъ флангахъ ощущается чуть что не удовлетвореніе тѣмъ, что все идетъ такъ, какъ слѣдовало или какъ и предсказывали мудрые провидцы. Медленно, но вѣрно исполняется рѣченное: если большевизмъ и не перерождается, перерождается революція, — достигаетъ крайнихъ предѣловъ своего вырожденія, по другому варианту; страна возрождается или, по другому варианту, раззоряется окончательно; не сегодня-завтра большевизма не станетъ *), раз-

*) «При нынѣшнемъ положеніи въ Россіи революція противъ большевиковъ по чисто политическимъ причинамъ, во имя завоеванія свободы и народовластія, является утопійей», — пишетъ «Воля Россіи» въ

въ только эмигранты, казаки и поляки подбросятъ снова сухостой въ догорающій пламень большевизма, — опасаются одни, на лѣвомъ флангѣ; развѣ только въ самую послѣднюю минуту «активисты» дрогнуть и, стакнувшись съ колеблющимися «эволюционистами», снова выручатъ падающій режимъ, — думаютъ и говорятъ другіе, на правомъ флангѣ.

Механическое воспроизведеніе трагической русской дѣйствительности безъ соответствующихъ поправокъ на личную психологію и предпосланные политическіе выводы одинаково присуще, повторяю, и нѣкоторымъ лѣвымъ кругамъ и нѣкоторымъ кругамъ правымъ. И трагическое воспріятіе событій и судебъ Россіи не является исключительнымъ достояніемъ однихъ правыхъ или однихъ только лѣвыхъ. Оно присуще и тѣмъ, и другимъ, несмотря на все различіе въ цѣляхъ и средствахъ борьбы. Разными остаются и тактика тѣхъ и другихъ, и программы. Сближаются, не становясь общими, подсознательныя эмоціи: тревога за Россію, неувѣренность въ ея будущемъ, безпокойство за ея судьбы.

И вновь оживаютъ за рубежомъ, какъ и въ Россіи, настроенія 21 года, — періода стихійныхъ крестьянскихъ возстаній и небывалаго голода, — съ тѣмъ, однако, отличіемъ нынѣшнихъ настроеній и попытокъ политическаго самоопредѣленія и межпартійнаго оформленія отъ прошлыхъ, что нынѣшнія не находятся въ прямой и хронологически непосредственной связи съ постигшей участниковъ этихъ попытокъ неудачей. Время не скажу: вынуло, но во многихъ случаяхъ притупило политическое жало, ранившее прежде тѣ или другіе отряды антибольшевицкаго лагеря. Многіе конфликты и контроверзы фактически давно уже перешли изъ области политики въ область

послѣднемъ № 4. «Ни деревня, ни городъ на то сейчасъ неспособны. Такою революцію можетъ вызвать только крахъ большевицкой экономической системы. И когда такой крахъ произойдетъ -- а къ этому дѣлу идетъ довольно быстро», то и т. д.

А Викторъ Черновъ въ «Бюллетенѣ» № 1 «Американской Федерации» П. С.-Р. и того увѣреніе и веселіе: «За шумомъ эмигрантскаго празднословія мы часто не слышимъ другихъ, — знаменательныхъ шумовъ. А изъ Россіи не празднословы, но люди мысли и дѣла пишутъ намъ, что и на самомъ дѣлѣ то «идетъ, гудитъ зеленый шумъ, — зеленый шумъ, всесвѣтній шумъ, предвѣстникъ половодья».

исторіи. И только реминисценціи и настороженная подозрительность мѣшаютъ порою сближенію болѣе дѣйствительному и дѣйственному. Объ этомъ можно жалѣть. Этого не приходится ни скрывать, ни скидывать вовсе со счетовъ.

Говорящіе одно и то же не всегда говорятъ то же самое... Кому не приходилось убѣждаться въ этомъ на критикѣ, которой подвергались сужденія противниками различныхъ направлений. Сейчасъ можно убѣдиться въ томъ, что и положительное утвержденіе одного и того же далеко не всегда обозначаетъ то же самое!

Отъ 2-го социалистическаго Интернаціонала, который не отказываютъ себѣ въ удовольствіи сближать съ 3-имъ, коммунистическимъ, не только доморощенные публицисты изъ «Возрожденія», но и «самъ» Тардье, — и до П. Б. Струве, главной идеологической силы всего праваго фланга русской общественности, отъ Струве и до 2-го Интернаціонала всѣ единодушно сходятся на болѣе всего трудной, положительной формулировкѣ того, что требуется Россіи, что должно неминуемо притти на смѣну большевицкой тираніи.

Народамъ совѣтскаго союза должна быть возвращена свобода, необходимая рабочимъ и крестьянамъ, какъ воздухъ и вода. Свобода слова! Свобода организаціи! Свободные и тайные выборы! Долой смертную казнь и массовые разстрѣлы! Амнистія политическимъ заключеннымъ! — читаемъ мы въ воззваніи, съ которымъ Исполнительный Комитетъ РСИ (рабочаго социалистическаго интернаціонала) обратился «Къ рабочимъ Россіи» 13 мая с. г. Этимъ требованіямъ апплдируетъ и Струве, «не только не социалистъ, но и жестокой критикъ социализма», — какъ онъ любитъ самъ себя аттестовать и афишировать.

Свободы требуютъ почти всѣ безъ исключенія отряды антибольшевицкаго движенія точно преднамѣренно для того, чтобы показать, что одна и та же свобода не есть свобода та же самая!

**

Свобода, свобода совѣсти, слова, печати, союзовъ, собраний и т. д. — наиболѣе общее и вѣчное домогательство всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ народовъ, классовъ и людей; оно же и наиболѣе конкретное и реально ощущимое для «всѣхъ временъ и народовъ».

И можно только поражаться, какъ русское зарубежье, по примѣру незабвеннаго пошехонья, такъ долго блуждало въ трехъ соснахъ прежде, чѣмъ притти къ этому самоочевидному требованію, непогашаемому никакими созвучіями времени или «эпохой». Создавая «Возрожденіе», отъ котораго позднѣе онъ оказался отставленъ, Струве пять лѣтъ тому назадъ не находилъ ничего болѣе удачнаго, какъ лозунгъ — Отечество и Собственность. Какъ намъ тогда же приходилось отмѣчать въ «Совр. Зап.», требованіе это было равносильно требованію -- отечества к а к ъ собственности патріархально-вотчинныхъ правителей. Ибо для Струве того времени — «быть патриотомъ значитъ любить свое отечество, какъ собственность, какъ земледѣлецъ любить свою отчизну и вотчину. Быть крестьяниномъ значитъ любить собственность; свою пядь земли, свою отчизну и дѣдину той сильной сыновей любовью, которою всякій настоящій патриотъ любитъ свое отечество».

Такой матеріализованно-вещный патриотизмъ *) былъ, конечно, внутренне чуждъ свободѣ. Онъ и не говорилъ о ней.

Теперь же Струве пишетъ: «Военный кличъ, въ которомъ выражается объединяющая и зажигающая идея нашей борьбы съ совѣтчиной, гласить: свобода... Свобода — это, конечно, если угодно, цѣлая программа, очень содержательная и очень опредѣленная, но въ ней содержательность и опредѣленность являются существенными, а не формальными... Идея свободы лица («лица», а не

*) Эти представленія и сейчасъ еще не изжиты, и собственность приравниваютъ уже не только къ отечеству, но и къ божеству. Какъ разъ въ день празднованія русской культуры въ статьѣ, посвященной «Культурѣ и цивилизации», можно было прочесть — «Надо помнить и знать, что даже символъ цивилизации: «богатый» рожденъ отъ символа культуры: «Богъ». (См. берлинскій «Руль» отъ 8-VI 930).

вещи! — М. В.) приобрѣла въ совѣтской Россіи новый и огромный, всеобъемлющій жизненный смыслъ. И на ней, какъ на программѣ и лозунгѣ, можетъ и должно объединиться Зарубежье, объединиться и внутри себя и съ внутренней Россіей» («Россія и Славянство» № 78).

Струве вторитъ и редакторъ «Россіи и Славянства» К. І. Зайцевъ — «Свобода! Свобода въ самыхъ элементарныхъ, обыденныхъ, житейскихъ, простецкихъ ея проявленіяхъ — вотъ единственный лозунгъ, который доходитъ до сознанія русскаго народа. Раскрѣпощеніе! Это — единственная общая, объединяющая платформа борьбы съ совѣтской властью. И это начинаютъ сознать всѣ»...

И не только правый П. Б. Струве или «центральный» П. Н. Милюковъ выдвигаютъ требованіе «свободной торговли», но и въ лѣвой «Волѣ Россіи» мы находимъ аналогичный лозунгъ, извлеченный изъ самой Россіи.

Сумѣвшій съѣздить въ Россію и благополучно вернуться В. И. Лебедевъ въ своихъ описаніяхъ виденнаго и слышаннаго пока что рассказалъ мало такого, что не было бы извѣстно и раньше и не совпадало бы, въ частности, съ тѣми взглядами, которые защищались Лебедевымъ и его ближайшими единомышленниками и до его поѣздки въ Россію. Когда, на примѣръ, Лебедевъ передаетъ слова своего квартирохозяина Ивана Яковлевича, питерскаго «рабочаго, какихъ много» — «не для того мы двѣнадцать лѣтъ страдали, чтобы возвращаться къ капитализму», мы твердо знаемъ, что за этимъ не стоило ѣздить изъ Парижа въ Ленинградъ и подвергать себя риску гибели. И безъ того было извѣстно, что этотъ взглядъ широко распространенъ и въ СССР, и за рубежомъ — не только среди коммунистовъ и евразійцевъ, что его усердно пропагандируетъ, въ частности, и «Воля Россіи». Но когда Лебедевъ сообщаетъ при этомъ, что, при всемъ своемъ отталкиваніи отъ капитализма, Иванъ Яковлевичъ все же стоитъ «за свободную торговлю» и «какъ и всѣ, въ повседневной жизни на каждомъ шагу обманываетъ правительство, мѣняетъ доллары — ихъ имѣтъ въ Россіи не въ диковинку, — по шести рублей за штуку, и, что, отправляя въ приладожскую деревню муку, онъ получаетъ оттуда великолѣпныхъ сиговъ», — это и въ бытовомъ отношеніи интересно, и политически поучительно...

Конечно, отъ формальнаго совпаденія требованія свободы — будь то «свобода лица», или «свобода торговли» — было бы неправильно умозаключать къ совпаденію и смысловому. Еще Катковъ въ недоброй памяти «Московскихъ Вѣдомостяхъ» скомпрометировалъ, какъ могъ, свободу, сказавъ, что «всякому мила свобода». И сейчасъ нѣтъ такихъ младороссовъ, которые не считали бы себя пионерами «Русскаго (непремѣнно съ заглавной буквы) освободительнаго движенія» и не стали бы доказывать, что нашей націи нужна свобода, свобода быта, свобода творчества». «Эту свободу можетъ дать лишь власть независимая въ своемъ происхожденіи», обезпечившая преемство «генія Наполеона и Муссолини», еще точнѣе — «наслѣдственная монархическая власть» (Ежемѣсячникъ «Младороссъ» за май) *).

Еще нужно быть благодарнымъ младороссамъ за то, что, говоря о свободѣ бытовой, они умалчиваютъ, и тѣмъ самымъ не компрометируютъ, свободы политической, какъ ее — и социализмъ — компрометируютъ, напимѣръ, «національ-соціалисты» въ Германіи, выдвигая лозунгъ: «черезъ социализмъ къ свободѣ!»

Пусть не лицемѣрнымъ и не тактическимъ только будетъ требованіе политической свободы со стороны недавнихъ сторонниковъ и создателей «вождей» царскаго и нецарскаго корня. Одного формальнаго совпаденія въ лозунгахъ еще недостаточно для признанія общности политическихъ путей.

*

**

Виѣшнее сходство съ предкронштадтскими настроеніями въ Россіи вызвало и въ зарубежьи повторное увлеченіе «кронштадтскими лозунгами». Несмотря на самоочевидную противорѣчивость и несоединимость «свободы» и «Совѣтовъ», — «Свободные Совѣты» были выдвинуты не только новыми людьми въ зарубежной демократіи, къ ней примкнувшими недавно, какъ А. А. Пиленко или Г. З. Бесѣдовскій, но и испытанными поборниками демократиче-

*) Съ того времени преемника Муссолини уже успѣли обезпечить, правда не по линіи кровнаго родства, а свойства: въ порядкѣ назначенія фашистскій совѣтъ опредѣлилъ быть преемникомъ графу Чіано.

скаго режима и свободы, неизмѣнными противниками большевизма.

Этотъ «затертый», по выраженію меньшевицкаго «Соціалистич. Вѣстника», лозунгъ былъ выдвинутъ по соображеніямъ тактическимъ. Въ немъ видѣли единственно возможную «защѣпку для борьбы съ диктатурой», требованіе «созвучное» Россійскимъ настроеніямъ, ибо «лучше очень несовършенная политическая система, но ясная и близкая народу, чѣмъ совершенная система, народу непонятная и далекая». А. Ф. Керенскій заранѣе допускалъ, что «болѣе чѣмъ вѣроятно, что свободные совѣты окажутся совершенно (!) нежизнеспособными», и тѣмъ не менѣе отстаивалъ этотъ нежизнеспособный лозунгъ, считая что «свободные совѣты» могутъ стать «исходной позиціей для наступательнаго боя за свободу» (см. «Дни» № 70).

На собраніяхъ «Дней» и РДО (республиканско-демократическаго объединенія) мнѣ не одинъ разъ приходилось доказывать непріемлемость новаго лозунга по принципиальнымъ, юридическимъ, психологическимъ и инымъ основаніямъ, и тактическую его бесплодность. Приходилось доказывать, что изъ всѣхъ мыслимыхъ утопій «свободные совѣты» представляются едва ли не самой ирреальной и безжизненной, ибо они — величина политически мнимая, только сочетание словъ, а не идей или реальностей. Становясь лицомъ къ Россіи, не надо становиться во фронтъ передъ Совѣтами, даже свободными, тѣмъ болѣе, что на наивность или оплошность со стороны большевиковъ рассчитывать не приходится. Возможность обхода совѣтской власти уже предусмотрѣна властью, и тогда же послѣ кронштадтскаго возстанія требованіе «свободныхъ выборовъ въ Совѣты» было приравнено по контръ-революціонности и наказуемости къ лозунгу прямого сверженія совѣтской власти чрезъ Учредительное Собраніе.

И отъ А. Ф. Керенскаго, и отъ П. Н. Милюкова пришлось выслушать упреки въ доктринерствѣ и недостаточности защищавшихся мною отрицательныхъ лозунговъ: «долой насиліе ВКП!», «долой пятилѣтку!», «долой подконтрольные выборы!»; въ абстрактности и безжизненности положительныхъ формулъ: «да здравствуетъ свобода!», «свобода печати!», «свобода союзовъ!», «свобода собраній!», «свобода выборовъ!», «всяческая свобода!».

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, и картина радикально

измѣнилась. Вѣсти изъ Россіи заставили и наиболѣе упорныхъ ревнителей «новаго» лозунга убѣдиться въ его устарѣлости и «несозвучности». Въ сознаніи подсовѣтскаго населенія Совѣты воспринимаются какъ филиаль ВКП, какъ форма партійной монополіи и угнетенія. Связывать съ постылыми Совѣтами свои надежды на освобожденіе отъ нынѣшней власти вкусившіе отъ этого плода россияне менѣе всего способны. П. Н. Милуковъ, съ присущей ему откровенностью и рѣшительностью, призналъ это публично.

Признали это и недавніе члены ВКП, порвавшіе съ большевиками, очутившіеся за рубежомъ, и нынѣ пытающіеся «переорганизоваться» въ особую политическую и «конспиративную» (!) партію «Воли Народа». (См. «Выписку изъ протокола перваго сѣзда партіи» отъ 4 мая с. г. и «Обращеніе ко всѣмъ російскимъ гражданамъ отъ Исполнительнаго Комитета партіи «Воля Народа»).

По закону движенія политическаго маятника эти «невозвращенцы» такъ же неудержимо откачиваются сейчасъ вправо не только отъ большевицкаго коммунизма, но и отъ социализма и даже элементарной классової борьбы, какъ въ свое время качнулись они влѣво. Можно очень низко расцѣплять ничѣмъ неоправдываемое высокомеріе, которое нѣкоторые изъ нихъ позволяютъ себѣ проявлять по отношенію къ зарубежнымъ антибольшевицамъ-демократамъ и социалистамъ, — морально-психологически перестроиться съ вчерашняго большевизма на сегодняшній демократизмъ, очевидно, очень трудно. Но въ чемъ этимъ людямъ никакъ нельзя отказать, это — что російскимъ настроеніямъ ихъ психологія менѣе «созвучна», нежели воспріятіе тѣхъ, кто покинулъ Россію десять и больше лѣтъ тому назадъ. И въ этомъ отношеніи очень показательно, что покинувшіе ряды ВКП нынѣшніе члены «Воли Народа» выдвигаютъ въ качествѣ своего требованія не «свободные Совѣты», а «осуществленіе великихъ началъ свободы, этого естественнѣйшаго права всякаго разумнаго существа» и лозунгъ «вчерашняго дня революціи» — Учредительное Собраніе. Они настолько не хотятъ «навязывать освобожденной російской демократіи (со всѣми входящими въ нее національностями) ту или иную форму правленія», что готовы допустить, что Учредительное Собраніе выскажется и за «демократическую совѣтскую форму государственнаго устройства». Но только избран-

ныя всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ «Всенародныя Собранія, по числу республикъ, входящихъ въ СССР», полномочны рѣшать, по ихъ мнѣнію, этотъ вопросъ.

И тотъ же Бесѣдовскій, къ «Волѣ Народа» не примкнувшій, доказывая, что «для народныхъ массъ» лозунгъ Учредительнаго Собранія «непопуляренъ» и является «скачкомъ въ неизвѣстность», отстаиваетъ только хронологическій приоритетъ «свободныхъ Совѣтовъ» — : «Не Учредительное Собраніе можетъ ввести совѣтскія формы государства, а свободный, демократически избранный съѣздъ Совѣтовъ можетъ вынести постановленіе о созывѣ Учредительнаго Собранія»... На то, впрочемъ, Бесѣдовскій и отстаиваетъ «синтезъ двухъ революцій, февральской и октябрьской» («Борьба» № № 2 и 4).

Эти мнѣнія не слишкомъ, конечно, авторитетны. Но они достаточно показательны. Настроенія преходящи и лозунги тоже. Чрезмѣрное же увлеченіе легко преходящими настроеніями, какъ и лозунгами, рискуетъ только скомпрометировать и лозунги и тѣхъ, кто ими увлекается. Русскимъ ли политическимъ дѣятелямъ напоминать мудрое слово Ренана: «чтобы оказаться правымъ въ будущемъ необходимо имѣть мужество въ извѣстные сроки быть немоднымъ?!». Русскіе политическіе дѣятели имѣютъ свой собственный достаточно поучительный опытъ. Кто сталъ бы оспаривать, что однимъ изъ осложнившихъ ходъ русской революціи факторовъ было возглавленіе ея какъ разъ тѣми, кто своимъ прошлымъ отношеніемъ къ революціи менѣе всего могли imponировать и внушать довѣріе главному дѣйствующему лицу революціи — народу, массамъ, низамъ?!

Памятуя о безмѣрной подозрительности, которую проявили въ 17-мъ году проведеніе революцію низы къ возглавившимъ не свое дѣло «верхамъ», къ очутившимся у власти выходцамъ изъ «старорежимной», третьейионской Государственной Думы, — приходится съ особенной осторожностью, по соображеніямъ преходящимъ и тактическимъ, отказываться отъ своего и усваивать чужое и внутренне чуждое. И миновавъ, прошлое вѣдь не теряетъ окончательно своей силы надъ будущимъ, — тяготѣетъ прежде всего бременемъ своихъ воспоминаній. Когда возмущеніе народа смететъ постылые Совѣты, потокъ возму-

щенія можетъ и не задержаться на тѣхъ, кто оставался вѣренъ своей любви къ свободѣ и ненависти къ диктатурѣ, но по тактическимъ соображеніямъ временно и условно принималъ и не свой лозунгъ.

Какъ стратегическій планъ нельзя строить на удачѣ тактическаго маневра, такъ и политику нельзя строить въ расчетъ на «использованіе» плацдарма и позицій противника. Обходящій противника — рассчитывающій на его наивность — всегда рискуетъ быть самъ обойденнымъ. Атакующій же въ лобъ можетъ, конечно, сраженіе проиграть, но за то никакъ не рискуетъ очутиться между двухъ огней: между противникомъ, потерявшимъ пораженіе, и собственными партизанами, одержавшими побѣду, но отъ своихъ вождей отвернувшимися.

**

Когда вмѣсто вещной собственности Струве славитъ теперь свободу лица и догадывается, наконецъ, что «демократія предполагаетъ свободу лица, какъ свое основное условіе»; когда, точно прозрѣвъ, онъ начинаетъ проводить различіе между «демократическимъ социализмомъ и тѣми социалистами (коммунистами), которые проповѣдуютъ и осуществляютъ насильственное и насильническое водвореніе социализма; когда онъ сочувственно ссылается на критику совѣтскихъ порядковъ Миллюковымъ или даже на положительныя построенія Потресова и Керенскаго, — мы можемъ только привѣтствовать этотъ поворотъ, какъ цѣнный не только самъ по себѣ, но и какъ показатель возможнаго оздоровленія русскихъ политическихъ нравовъ и навыковъ въ зарубежьи и, можетъ быть, въ грядущей Россіи.

Слишкомъ долго приходилъ намъ вести борьбу съ «безплоднымъ «социалистическимъ» русскихъ либераловъ и консерваторовъ *), не говоря уже о реакціонерахъ и

*) Не такъ далеко время, когда намъ приходилось отмѣчать и оспаривать такіа, напримѣръ, положенія Струве и его единомышленниковъ: «антисоциалистическая проповѣдь является самымъ необходимымъ національнымъ дѣломъ въ Россіи»; «социалистическое» обязательно для каждаго «не только честнаго, но и разумнаго чловѣка»; социалисты пытающіеся «скомбинировать социализмъ съ демократіей», — безпардонные «фантазеры» и т. д., и т. д. (Ср. «Совр. Записокъ» № 20).

реставраторахъ, чтобы не оцѣнить по достоинству происшедшаго на нашихъ глазахъ сдвига. Достаточно упорно отстаивали мы необходимость европеизаціи русскихъ политическихъ партій, чтобы имѣть право съ удовлетвореніемъ и сочувствіемъ отнести сейчасъ къ словамъ ближайшаго единомышленника Струве: «Нужно, чтобы въ зарубежьи создалась другая атмосфера... Практическая работа будетъ облегчена, если хорошимъ тономъ въ зарубежьи будетъ считаться — не помянать старыхъ винъ и не обвинять другъ друга въ гибели Россіи» (А. С. Изгоевъ). Не можемъ мы не согласиться и съ тѣмъ, что «отъ совпаденія отдѣльныхъ высказываній до соглашенія на тему этихъ же высказываній еще большое разстояніе, а отъ подобнаго какъ бы теоретическаго соглашенія еще далеко до какихъ-либо конкретныхъ воплощеній, дѣйственныхъ и практическихъ. Не нужно торопливости. Не нужно вѣшне форсировать то, что можетъ быть результатомъ внутренняго созрѣванія»...

Нынѣшняя эмиграція результатъ гражданской борьбы. Но та же гражданская борьба провела окопы и среди тѣхъ, кто позднѣе очутились одинаково за предѣлами родныхъ рубежей. Рубцы, оставленные гражданской борьбой, не зажили окончательно и по сей день и у тѣхъ эмигрантовъ, кто въ свое время въ Россіи оказались побѣдителями на часъ, и у тѣхъ, кто претерпѣлъ отъ нихъ — и отъ большевиковъ — временное пораженіе. Возникнувъ какъ явленіе политическое, эмиграція не переставала раскалываться по мотивамъ не только политическимъ. Какъ бы высоко ни расцѣнивалъ силу «разложенія» и «политику», вносившіяся въ бытовые и профессиональныя организаціи русскаго зарубежья якобы только лѣвыми, нельзя все же забывать, что мы имѣемъ двѣ церковныя организаціи, «евлогіанъ» и «антоніевцевъ», безъ того, чтобы Милюковъ вошелъ въ ту или другую; имѣемъ два союза шоферовъ или академиковъ, безъ того, чтобы въ томъ или другомъ состоялъ «одіозный» Керенскій; два союза адвокатовъ въ одномъ Парижѣ, два союза земскихъ дѣятелей и т. д.

«Зарубежная Русь» обречена жить жизнью необычной и несравнимой съ жизнью другихъ народовъ, ибо не можетъ она ни отмѣнить, ни изжить до конца проклятія своего происхожденія — изъ гражданской войны. Это проклятіе особенно остро чувствуется въ области полити-

ческой, но оно даетъ себя знать и во всѣхъ другихъ областяхъ: хозяйственной, бытовой, культурной. Поэтому-то такъ бесплодны всѣ попытки объединить «эмигрантскій народъ», сбить «тучу людской пыли» въ живой и цѣлостный организмъ. Когда К. Р. Кочаровскій, различая три позиціи зарубежной русской общественности: «возвращенцы» (духовно или фактически капитулировавшіе передъ концомъ большевизма и возможности вернуться въ Россію) и «начинатели», считаетъ первыя двѣ — «ультра-политичными, ибо Россія для нихъ заслонена политическимъ режимомъ», а третью позицію — «историчной и внѣполитичной»*), онъ менѣе всего реаленъ и жизнененъ. Благими пожеланіями печальной дѣйствительности не заклясть, и, какъ бывшаго не сдѣлаешь не бывшимъ, такъ и политической эмиграціи не сдѣлаешь «внѣполитичной».

Неправильна и обычная въ такихъ случаяхъ ссылка на примѣръ другихъ народовъ — евреевъ въ разсѣяніи сущихъ или поляковъ, чеховъ, итальянцевъ, оказывавшихся тоже въ разное время за границами родныхъ рубежей и все же, невзирая на всѣ разногласія и раздоры, находившихъ и общій языкъ, и общіе или согласованные пути борьбы.

Не говоря уже о евреяхъ и пресловутой «еврейской солидарности», которая въ теченіе вѣковъ почти исчерпывалась элементарнымъ желаніемъ не быть физически или экономически истребленными въ качествѣ евреевъ, — этотъ примѣръ неубѣдителенъ и по сравненію съ судьбой другихъ народовъ. Ибо и передъ польской, и передъ чешской, и передъ итальянской эмиграціей время Маццини задача, стояла политически гораздо болѣе простая и элементарная. Дѣло шло въ сущности о внѣшнемъ освобожденіи отъ иноземнаго владычества, поддерживавшагося международной комбинаціей. И даже нынѣшняя итальянская эмиграція не идетъ въ сравненіе съ эмиграціей русской по напряженности того сопротивленія, которое было оказано диктатурѣ въ Россіи и въ Италіи. По сравненію съ гражданской войной, полыхав-

*) См. отлично написанную брошюру «Что дѣлать русской эмиграціи?». — Статьи З. Н. Гиппіусъ и К. Р. Кочаровскаго съ предисловіемъ И. И. Бунакова. — Парижъ, 1930.

шей въ теченіе ряда лѣтъ въ Россіи, въ Италіи, можно сказать, войны и вовсе не было. Потому и нѣтъ — или менѣе ощутимы — въ итальянской эмиграціи и зловредныя послѣдствія не бывшей тамъ — или «малой» — войны противъ диктатуры. Антифашистское движеніе въ Италіи избѣжало междоусобной брани въ своей средѣ, и ему было и естественно, и легко сохранить свое единство и въ эмиграціи.

Иная судьба русской эмиграціи, родившейся подъ знакомъ двойной междоусобицы, — войны противъ большевиковъ и войны въ антибольшевицкомъ лагерѣ, закончившихся всеобщимъ разгромомъ и уходомъ въ изгнаніе. Эта особая судьба кладетъ и свои опредѣленные предѣлы всѣмъ объединительнымъ попыткамъ. Болѣе свободныя въ дѣлѣ благотворительности и элементарно-правовой (полицейской) охраны эмигрантовъ, эти попытки встрѣчаютъ уже серьезныя препятствія при переходѣ въ область профессиональную и культурную и препятствія объективно непреодолимыя въ области политической. И здѣсь, какъ и вездѣ, не пушно поддаваться иллюзіямъ.

**

Съ чрезвычайной сдержанностью относясь къ возможностямъ, «миссіямъ» и «посланничеству» (выраженіе Кочаровскаго) русской эмиграціи — политическому, хозяйственному и проч., мы въ то же время привѣтствуемъ всякое начинаніе, направленное къ тому, чтобы устранить лишнія препоны, извлечь занозы изъ тѣла и души російскихъ изгнанниковъ.

Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ весьма полезнымъ и общее освѣженіе политической атмосферы въ эмиграціи и, въ частности, ту работу, которую предприняли по части просвѣщенія своихъ бывшихъ соратниковъ по всякимъ «национальнымъ объединениямъ» П. Б. Струве, съ его ближайшимъ окруженіемъ, и В. Л. Бурцевъ. Хорошо было бы, когда наступитъ, наконецъ, желанный день и падетъ большевицкая тиранія, чтобы зарубежная общественность не оказалась въ томъ состояніи распада и взаимной вражды, «сучьей злобы къ своему бывшему врагу», — но мало изящному, но компетентному свидѣтельству передовика «Возрожденія», — которое длится вотъ уже де-

сять лѣтъ. Не надо все же преувеличивать ни «масштабовъ» заданія, ни «темповъ» его осуществленія. Это постепенно начинаютъ осознать и самые фанатическіе сторонники всякихъ коалицій и объединенія — «всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ», кто только не пріемлетъ большевизма и стоитъ на почвѣ признанія необходимости активнаго преодоленія совѣтской диктатуры. «Непредрѣшенство» явно теряетъ кредитъ въ своей собственной средѣ.

Когда ближайшій сотрудникъ «Возрожденія» Н. С. Тимашевъ при празднованіи гукасовской «пятилѣтки» публично жалуется на отсутствіе идей: «жертвенность изумительна, хуже обстоитъ дѣло со средствами и хуже всего съ идеями. Нужны идеи!.. Однѣхъ отрицательныхъ идей въ родѣ «долой большевиковъ», однѣхъ формальныхъ идей, въ родѣ лозунга возстановленія національной Россіи, — недостаточно», — мы не можемъ не согласиться съ этой самоочевидностью. И когда С. П. Мельгуновъ заявляетъ: «я проповѣдывалъ объединеніе, но разочаровался въ немъ. Разговоры объ объединеніи должны быть построены на чемъ-то реальномъ, иначе они безплодны.. Нельзя итти въ Россію вмѣстѣ съ тѣми, кто смотритъ только въ прошлое, какъ и съ тѣми, кто кричить «бей жидовъ!» или кто зоветъ насъ подъ знамя императора Кирилла», — мы соглашаемся и съ этимъ недавнимъ фанатикомъ объединенной борьбы съ большевизмомъ, несмотря на то, что разоблаченіе грѣховъ русскихъ социалистовъ-антибольшевиковъ, и въ особенности, эсэровъ сдѣлалось за послѣднее время едва ли не главной задачей анти-большевицкаго активизма Мельгунова.

Мы идемъ только немногимъ дальше Мельгунова, когда полагаемъ, что не только въ Россію нельзя итти вмѣстѣ съ «кирилловцами» и погромщиками, — нельзя съ ними вмѣстѣ итти и куда бы то ни было въ Европѣ.. Больше того. Нельзя даже говорить объ общемъ патріотическомъ и национальномъ дѣлѣ съ людьми, считающими патріотизмъ и национальное дѣло своей групповой монополіей и, подобно предсѣдателю такъ называемаго «Русскаго Национальнаго Комитета» А. В. Карташеву, противопоставляющими и политически, и даже логически: «национальное» — «лѣвому». Тѣмъ меньше можно имѣть политически что-либо общее съ тѣми, кто, питаясь остатками отъ былаго стола Струве, все еще продолжаютъ сближать социали-

стовъ-демократовъ и враговъ большевиковъ съ «кузенами» — большевиками, или — уже отъ избытка собственнаго «движенія идей», — додумываются до сближенія духовнаго облика героическихъ народовольцевъ съ обликомъ чикагскихъ контрабандистовъ-бутлегеровъ *)...

Съ этими нельзя уже не только что «вмѣстѣ итти», съ ними нельзя даже и «врозь итти и вмѣстѣ бить»...

Мы были и остаемся сторонниками сложенія культурно-общественныхъ и политическихъ силъ. Но въ то же время были и остаемся противниками всякихъ утопическихъ и нереальныхъ заданій, всякихъ мнимыхъ величинъ. Поэтому-то мы были и остаемся противниками образованія въ зарубежьи какого-либо подобія національнаго комитета, который пытался бы представлять Россію или покусался бы говорить отъ ея имени.

Когда десять лѣтъ тому назадъ, послѣ оставленія Крыма и крушенія — въ четвертый разъ! — генеральско-диктаторскаго метода ниспроверженія большевицкой власти, Н. Д. Авксентьевъ останавливался въ «Соврем. Запискахъ» на причинахъ разрыва нѣкогда единаго анти-большевицкаго фронта, онъ находилъ и двѣ такія причины, обусловившія разрывъ. Во-первыхъ, великое озлобленіе противъ того, что раньше вызывало искренній энтузіазмъ — противъ революціи и ея социалистическихъ представителей и защитниковъ; и, во-вторыхъ, — великая социальнополитическая слабость несоциалистическихъ, но все же прогрессивныхъ группировокъ, заставившая ихъ искать контрфорсъ и поддержки у чуждыхъ имъ по существу элементовъ военной реакціи. И мертвый схватилъ живого. (См. «Сложеніе Силъ» въ № 2 «Соврем. Запис.»).

Сейчасъ можно съ удовлетвореніемъ констатировать, что «великое озлобленіе» какъ будто бы начинаетъ про-

*) Впрочемъ, въ «мірѣ вещей» выдумка П. Муратова была предвосхищена б. генералъ-губернаторомъ привислинскаго края Скалономъ. Сей генералъ, желая, какъ и Муратовъ, скомпрометировать «политику», высылалъ въ порядкѣ административнаго приказа политическихъ вмѣстѣ съ уголовными — контрабандистами, притондержателями, сутенерами и проч. Такія смѣшанныя «партіи» политиковъ и уголовныхъ мнѣ приходилось самому наблюдать въ нарымскомъ краѣ въ 1910-11 г. г.; приходилось и ощущать послѣдствія — со стороны мѣстнаго населенія, не способнаго, конечно, разбираться, кто «настоящая политика» и кто «поддѣльная», «шпана».

ходить у культурно наиболее цѣнной идеологической верушки праваго сектора русскаго зарубежья. Въ то же время приходится съ огорченіемъ отмѣтить, что это положительное явленіе не сопровождается ни формальнымъ, ни фактическимъ разрывомъ съ тѣми элементами «военной реакціи *), на которые опирались либеральныя и «либерально-консервативныя» группировки въ моментъ и въ процессѣ взрыва и прорыва ими общихъ рядовъ антибольшевицкаго фронта. Какъ бы далеко ни шла взаимная воля къ «междупартійной амнистіи», не могутъ согласно говорить группы и кадры, тянущіе вспять, не приѣмлющіе по-революціонной Россіи, и тѣ, кто революціи хотѣлъ или не хотѣлъ, но принялъ ее не только за страхъ, но и за совѣсть, какъ неотмѣнимый исходный пунктъ для строительства новой Россіи. Какъ ни непримиримо враждебны мы генеральной линіи большевиковъ, не по линіи зарубежныхъ генераловъ видимъ мы путь къ ея преодоленію **)...

Всѣмъ — безъ исключенія — зарубежнымъ группировкамъ предстоитъ пройти свой путь самоорганизации, са-

*) Достаточно напомнить, что нынѣшнимъ возглавителемъ «Общевоевскаго союза» является не кто другой, какъ получившій весьма печальную извѣстность во время эвакуации, такъ называемой, Сѣверной области «генераль-губернаторъ» и главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, фактически бывший диктаторомъ — ген. Е. К. Миллеръ. Миллеръ все еще не удосужился отчитаться передъ общественнымъ мнѣніемъ въ томъ «невѣроятномъ, чудовищномъ» предательствѣ, неизвѣстномъ еще въ дѣтствѣ гражданской войны, въ которомъ его публично обвиняетъ одна изъ его жертвъ, д-ръ, а теперь проф. Б. Ф. Соколовъ. «Имѣвшій опредѣленно и ярко противобольшевицкую репутацію, осужденный большевиками за возстаніе на Волгѣ, развившій въ Парижѣ энергичную противобольшевицкую пропаганду», Соколовъ былъ переведенъ на слабосильный ледоколъ «Русановъ» и, вмѣстѣ со своимъ секретаремъ прис. повѣр. А. И. Новиковымъ, съ вѣдома Миллера, брошенъ во льдахъ Бѣлаго моря. Въ лучшемъ — фактически осуществившемся — случаѣ, если бы ледоколу удалось выбраться изъ льдовъ, обѣ жертвы предавались въ руки большевиковъ...

Этотъ потрясающій рассказъ напечатанъ въ № 9 «Архива русской революціи», издаваемого І. В. Гессеномъ, еще въ 1923 году!

**) Противопоставленіе «генеральной линіи» линіи генераловъ — отнюдь не «лѣвая» выдумка; оно ведетъ свое происхожденіе отъ правѣйшаго изъ правыхъ проф. Кассо, который неизмѣнно, изъ года въ годъ, начиналъ свою лекцію о земельномъ межеваніи словами: «генеральное межеваніе, господа, не есть межеваніе генераловъ»...

моопредѣленія и внутренней перестройки. Если эти процессы протекуть и завершатся въ общемъ демократическомъ направленіи, если разные слои группировки — тамъ и тутъ — начнутъ, хотя бы не одинаковымъ, но схожимъ образомъ воспринимать русскую дѣйствительность и пути къ возрожденію Россіи, тогда и только тогда создастся основа для совмѣстнаго дѣйствія. До схождения программныхъ и тактическихъ линій совмѣстная политическая работа въ зарубежьи невозможна, иллюзорна и, потому, вредна. Но для того, чтобы такая работа стала возможна въ будущемъ, необходимъ и благотворенъ сдвигъ взаимной психологіи уже сейчасъ.

То, что въ 17-мъ году называлось коалиціей живыхъ силъ, — все еще музыка отдаленнаго будущаго. И неосуществимая въ эмиграціи, — сейчасъ, какъ и прежде, она по прежнему остается нашимъ заданіемъ. Въ прямое противорѣчіе съ «Волей Россіи», пораженіе русской демократіи мы отнюдь не склонны относить на счетъ «коалиціонной тактики русскихъ социалистовъ», а скорѣе на счетъ того, что эта тактика проводилась недостаточно послѣдовательно и не всегда добросовѣстно, чаще всего правыми, иногда же и лѣвыми элементами коалиціи.

И въ этомъ отношеніи наши умонастроенія чрезвычайно близки — и сейчасъ, и въ прошломъ — къ тѣмъ «первомайскимъ размышленіямъ», которымъ въ той же «Воле Россіи» предается Эмиль Вандервельде. Если, по признанію антисоціалистическаго лидера «народной партіи» въ Германіи, невозможно болѣе управлять противъ и даже безъ социалистовъ, то, по признанію главы рабочаго соціалистическаго Интернаціонала, — «мы не можемъ скрывать отъ себя, что въ свою очередь и рабочій классъ не можетъ управлять противъ или безъ буржуазіи»...

М. В. Вишнякъ.